

УДК 94(470.344)"1904/1905  
ББК 63.3(2Рос.Чув)53

*Научная статья*

## ОБ ОТНОШЕНИИ ЧУВАШЕЙ К РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ 1904 — 1905 ГОДОВ

**Н. Б. Смирнова**

Чувашский государственный институт гуманитарных наук,  
г. Чебоксары, Россия  
da777L@yandex.ru

**Аннотация.** В статье анализируется отношение чувашей к Русско-японской войне 1904 — 1905 гг. На основе архивных документов, материалов дореволюционной прессы и трудов Н. В. Никольского исследуются основные факторы, формировавшие восприятие вооруженного конфликта и образа японца как врага. Особое внимание уделяется роли духовенства, которое в проповедях представляло войну как противостояние христианства и «языческой тьмы». Также рассматривается влияние губернских и миссионерских изданий, включая литературу на чувашском языке. Анализ показывает неоднозначность взглядов чувашского населения: от искреннего патриотического подъема и готовности жертвовать на нужды армии среди молодежи до страха, скептицизма и уныния у старшего поколения, усугубленных тяготами мобилизации и известиями о поражениях. Показана трансформация образа врага от абстрактного понятия до источника ненависти в условиях боевых действий и последующая гуманизация этого образа при столкновении с японской культурой в плену. В заключении делается вывод, что война стала катализатором роста критических настроений и подготовила почву для революционных событий 1905 — 1907 гг. Результаты исследования имеют значимость для историков и этнологов, изучающих механизмы формирования общественного сознания в кризисные периоды.

**Ключевые слова:** Русско-японская война, чуваша, фактор пропаганды, общественное мнение, отношение к войне

**Для цитирования:** Смирнова Н. Б. Об отношении чувашей к Русско-японской войне 1904 — 1905 годов // Современная гуманитаристика. 2026. Т. 2. № 1. С. 32 — 41

© Смирнова Н. Б., 2026

*Scientific article*

## ON THE ATTITUDE OF THE CHUVASH PEOPLE TO THE RUSSIAN-JAPANESE WAR OF 1904 — 1905

**N. B. Smirnova**

Chuvash State Institute of Humanities,  
Cheboksary, Russia  
da777L@yandex.ru

**Abstract.** The article analyzes the attitude of the Chuvash people to the Russian-Japanese War of 1904 — 1905. Based on archival documents, materials from the pre-revolutionary press and the works of N. V. Nikolsky, the main factors that shaped the perception of the armed conflict and the image of the Japanese as the enemy are examined. Special attention is paid to the role of the clergy, who in their sermons presented the war as a confrontation between Christianity and «pagan darkness.» The influence of provincial and missionary publications, including literature in the Chuvash language, is also considered. The analysis shows the diversity of the views of the Chuvash population: from sincere patriotic enthusiasm and willingness to donate to the needs of the army among youth to fear, skepticism and despair among the older generation, aggravated by the hardships of mobilization and by news of defeats. The study also traces the transformation of the image of the enemy from an abstract concept to a source of hatred under

the conditions of warfare, and the subsequent humanization of this image when encountering Japanese culture in captivity. The article concludes that the war became a catalyst for the growth of critical sentiments and paved the way for the revolutionary events of 1905 — 1907. The results of the study are relevant for historians and ethnologists examining the mechanisms of formation of public consciousness in times of crisis.

**Keywords:** Russian-Japanese war, Chuvash people, propaganda factor, public opinion, attitude to war

**For citation:** Smirnova N. B. On the attitude of the Chuvash people to the Russian-Japanese war of 1904 — 1905 // Modern humanities. 2026;2(1):32 — 41

*Аслалăх статийи*

## ЧĂВАШСЕМ 1904 — 1905 СЎЛСЕНЧИ ВЫРĂС-ЯППУН ВĂРՏИ СИНЕ МЁНЛЕ ПĂХНИ

**Н. Б. Смирнова**

Чăваш патшалăх гуманитарĕ аслалăхĕсен институчĕ,

Шупашкар хули, Раççей

da777L@yandex.ru

**Аннотаци.** Статъяра чăвашсем 1904 — 1905 çç. Вырăс-яппун вăрçи сине мёнле пăхнине тишкернĕ. Архив докуменчĕсене, революциченхи хаçат-журнал материалĕсене тата Н. В. Никольский ёсĕсене тĕпе хурса чăвашсем хёç-пăшаллă конфликт тата тăшман пулса тăнă яппунсем пирки мён шутланине витĕм кўрекен тĕп факторсене тĕпченĕ. Чиркў сын-нисем хайсен ўкёт сăмахёсенче ку вăрçа христианство «суя тён тёттёмлĕхёпе» кёрешнипе анлантарнин пёлтерёшĕ пирки палăртса хăварнă. Кунсăр пуçне статъяра кёлёрнесем шайёнче кăларнă тата миссионерсем хатёрленĕ литературăна (вёсен хушшинче чăвашлисем те пулнă) пăхса тухнă. Тишкерў чăваш халăхĕн шухăшĕ пёр евёр пулманнине кăтартать: пёр енчен, сăмрăксен патриотла ёкленёвĕ тата сара пулăшма хатёр пулни, тепёр енчен — аслă арурисен кăмăлёнче мобилизаципе сыхăннă йывăрлăхёсене тата фронтри сұхатусем пирки килекен хыпарсене пула шиклĕх, сўрёклĕх, ыранхи куна шанманни сирёплене пыни. Тёпчевре сынсен ас-тăнёнчи тăшман сăнарĕ епле улшăанса пынине сăнанă: малтан вăл абстрактлă анлав, унтан вăрçă хирёнче хаяр курайманлăх сăлтавĕ пулса кайнă пулсан, каярах — тыткăнра яппун культурипе паллашсан — гуманизаци паллисем курăнма пуçланă. Вăрçă халăхăн тиркевлĕ шухăш-кăмăлне аталанма пулăшнă тата 1905 — 1907 çç. революцилле пулăсем валли условисем хатёрленĕ тесе пётёмлетў тăвать автор. Тёпчев результатёсем кризислă лару-тăрура общество ас-тăнĕ йёркеленнин механизмёсене тёпчекен историксемпе этнологсемшён пёлтерёшлĕ пулма кирлĕ.

**Тĕп сăмахсем:** Вырăс-яппун вăрçи, чăвашсем, пропаганда факторĕ, халăх шухăшĕ, вăрçă сине мёнле пăхни

**Цитатăлама:** Смирнова Н. Б. Чăвашсем 1904 — 1905 сўлсенчи Вырăс-яппун вăрçи сине мёнле пăхни // Хальхи гуманитаристика. 2026. 2 т. 1 №. С. 32 — 41

### Введение

Русско-японская война 1904 — 1905 гг. стала одним из важнейших событий начала XX в., оказав значительное влияние как на внутреннюю политику, так и на общественное настроение в России. Особое место в этом контексте занимает отношение различных этнических групп, в том числе чувашей, к этому вооруженному конфликту. Для советской историографии было характерно освещение глобальных исторических процессов, в рамках которых происходили те или иные события, с акцентом на военно-стратегические и политические аспекты. В этом контексте вопросы, связанные с восприятием войн и образа врага населением, не были в центре внимания исследователей, что было обусловлено идеологическими ориентирами и методологическими подходами того времени.

Начиная с 1990-х гг. в отечественной исторической науке вооруженные конфликты начали изучаться с позиций военно-исторической антропологии, где внимание стало уделяться человеку и человеческим сообществам — их мыслям, чувствам и переживаниям. Такой подход позволяет глубже понять психологические и культурные аспекты восприятия войны и врага в разные исторические периоды. Значительный вклад в исследование восприятия образа японца как врага в условиях Русско-японской войны внесли ученые Е. С. Сениянская [6] и Е. А. Гладкая [1]. На региональном уровне также существует ряд исследований по данной теме [7; 8]. В чувашской историографии некоторые аспекты этого вопроса были рассмотрены еще в советский период. На основе анализа фольклора и фактов живой действительности историк и этнограф Н. В. Никольский охарактеризовал взгляды чувашей как на службу в армии в целом, так и на Русско-японскую войну в частности [5]. Сведения об отношении чувашей к данному вооруженному конфликту в канун революции 1905 — 1907 гг. содержатся в обобщающем труде «История Чувашской АССР» [2; 3].

С учетом слабой разработанности названной проблемы цель нашей статьи — охарактеризовать отношение чувашей к Русско-японской войне 1904 — 1905 гг. и образу японца как врага, а также проанализировать факторы, формировавшие общественное мнение чувашского населения.

### **Материалы и методы**

Источниковую базу настоящей статьи составили материалы из фондов учреждений и должностных лиц Государственного исторического архива Чувашской Республики (ГИА ЧР). Из Научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН) использованы документы рукописного фонда Н. В. Никольского, содержащие сведения о случаях из жизни чувашей в годы Русско-японской войны, их личных переживаниях, взглядах на нее и участии в мобилизационных мероприятиях. Дополнительно нами привлечены материалы мультимедийного издания ГИА ЧР «Чувашский край в период Русско-японской войны 1904 — 1905 гг.», включающие документы и выдержки из дореволюционной прессы, а также документы о благотворительной деятельности населения Чувашского края, его участии в мобилизации и в боевых действиях<sup>1</sup>. Важным источником явились публикации начала XX в. в газетах «Казанские губернские ведомости» и «Симбирские губернские ведомости», которые отражают общественное мнение того времени. В качестве дополнительного источника использовалось дореволюционное издание «Отклики Русской земли на царское слово о войне с Японией»<sup>2</sup>. При написании статьи применены принципы историзма, объективности и системности, использованы следующие методы исследования: историко-генетический, аналитический, проблемно-хронологический и фактологический. Историко-генетический метод позволил выявить причинно-следственные связи в формировании отношения чувашей к Русско-японской войне 1904 — 1905 гг. Аналитический метод обеспечил глубокий анализ пропагандистских материалов и общественного мнения. Проблемно-хронологический метод помог структурировать исследование по этапам и выделить ключевые проблемы, а фактологический метод обеспечил конкрети-

<sup>1</sup> Чувашский край в период Русско-японской войны 1904 — 1905 гг. [Электронное издание]. Чебоксары, 2007.

<sup>2</sup> Отклики Русской земли на царское слово о войне с Японией. Санкт-Петербург: Тип. Министерства внутренних дел, 1904. 432 с.

зацию и проверку фактических данных, что позволило сформулировать обоснованные выводы.

### **Результаты исследования и их обсуждение**

Русско-японская война 1904 — 1905 гг. представляла собой конфликт между Российской и Японской империями за господство над важными в стратегическом и экономическом отношениях районами Дальнего Востока: Маньчжурией, Кореей и Желтым морем. Вооруженный конфликт начался с нападения японского флота на русскую эскадру в ночь на 27 января 1904 г. на внешнем рейде Порт-Артура. Этот акт привел к выводу из строя сильнейших кораблей русского флота на Тихом океане и дальнейшему развитию боевых действий. 27 января 1904 г. был объявлен Высочайший манифест императора Николая II «О начале военных действий с Японией», в котором выражалась уверенность в победе над врагом и призывались помочь и благословение Божие на «доблестные войска армии и флота»<sup>3</sup>.

Весной 1904 г. увидел свет сборник «Отклики Русской земли на царское слово о войне с Японией», в котором представители разных регионов России (правительственные, сословные, общественные и частные учреждения и лица) выражали верноподданнические чувства и поддержку царю. В книге имеются отклики и из Чувашского края. Солидарность императору выразили Чебоксарское городское общество, участники собрания уполномоченных г. Мариинский Посад и крестьяне Козловского сельского общества Чебоксарского уезда<sup>4</sup>. Согласно этим источникам и официальным отчетам, патриотические чувства повсеместно выражали представители всех национальностей и социальных слоев<sup>5</sup>. Однако при анализе отношения чувашского народа к Русско-японской войне следует отметить его неоднозначность. Важную роль в этом играли такие факторы, как происхождение, место проживания и уровень образования. Исследованные нами источники свидетельствуют, что, например, значительная часть чувашского населения до начала военных действий практически не имела представления о существовании Японии и японцев, а также не понимала сути вооруженного конфликта на Дальнем Востоке. Многие воспринимали войну как далекое событие, не связанное напрямую с их повседневной жизнью. В то же время у части населения, особенно у тех, кто имел более высокий уровень образования или проживал в городской местности, формировались более осознанные взгляды на происходящее.

В этот период особое значение приобретало формирование образа врага и создание нужного правительственным кругам восприятия Русско-японской войны. Одним из ключевых факторов формирования отношения чувашей к войне стала религия. Священнослужители активно участвовали в пропаганде идеи о священной миссии России и о духовной борьбе между добром и злом. В своих проповедях духовенство использовало риторику, способную оказать сильное влияние на верующих: подчеркивалось, что «мирная Россия стала жертвой дерзкого врага, чуждого искры Божией и христианского просвещения, погрязшего во тьме идолопоклонства азиатского народа»<sup>6</sup>. Образ японца создавался как символ чуждости русским ценностям, ассоциировался с варварством и духовным отступничеством. Говорилось также о значительных усилиях, предпринимаемых императором, для сохранения мира. Война преподносилась духовенством как «тяжкое

<sup>3</sup> Отклики Русской земли на царское слово о войне с Японией. С. 3 — 4.

<sup>4</sup> Там же. С. 98 — 99.

<sup>5</sup> Государственный архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 82. Оп. 1. Д. 1113. Л. 48.

<sup>6</sup> Там же. Ф. 44. Оп. 1. Д. 822. Л. 2.

испытание Божие». Японцы назывались «народом языческим и не ведающим истинного Бога». Поэтому этот вооруженный конфликт представлялся как «война царства света с царством тьмы и Христа с велиаром»<sup>7</sup>. В проповедях также подчеркивалось, что «Бог избрал Россию для посрамления языческой гордыни», а целью войны является, прежде всего, защита достоинства страны<sup>8</sup>.

Священники призывали верующих молиться за успехи армии, за здоровье призывников, а также за царя и Отечество<sup>9</sup>. Важной частью общественной жизни становились молебны: их проводили в храмах, домах и на открытых площадках перед солдатами с целью поднять боевой дух и укрепить моральный настрой. Также духовенством велись беседы с населением как внутри церковных стен, так и вне их, в селах и городах, что способствовало формированию единства и патриотизма среди граждан. Например, в феврале 1904 г. в с. Тойси Буинского уезда в земской школе священник встретился с крестьянами и предложил им сделать посильные пожертвования на нужды армии и флота, а также помочь больным и раненым воинам. Эта инициатива, отмечал современник, вызвала радостную готовность оказать помощь и поддержать защитников Родины<sup>10</sup>. Кроме того, священнослужители регулярно информировали людей о боевой обстановке, делились новостями о ходе военных действий, чтобы способствовать укреплению патриотизма и веры в скорую победу.

Религиозные идеи использовались и для оправдания жертвенности солдат. Как известно, жизнь воина полна различных лишений и опасностей. Священнослужители утверждали, что на это не следует роптать. Главное — иметь бесстрашие в борьбе с врагом, а если суждено погибнуть за царя и Отечество, то на небе «можно будет обрести вечное блаженство, уготованное мученикам» и тем самым спасти свою душу<sup>11</sup>. Духовенство часто приводило в пример адмирала С. О. Макарова, погибшего на броненосце «Петропавловск» в Порт-Артуре, рассказ о котором вызывал у прихожан слезы. По многочисленным просьбам верующих по нему часто служились панихиды<sup>12</sup>.

Для формирования положительного восприятия войны населением России, в том числе и чувашами, государственные органы активно использовали печатные издания. Заметное влияние на чувашей оказывали такие газеты, как «Казанские губернские ведомости» и «Симбирские губернские ведомости». В них публиковались новости о боевых действиях, подчеркивалась героическая борьба русской армии, рассказывалось о мужестве и героизме солдат. Особое значение имело распространение пропагандистских материалов, направленных на укрепление патриотического духа. В газете «Симбирские губернские ведомости», в частности, был выделен специальный раздел «Беседы о войне», в одной из публикаций которого развенчивались провокационные слухи о гибели русского флота<sup>13</sup>.

Важную роль в формировании общественного мнения и поддержании морального духа неграмотного сельского населения играло распространение ин-

<sup>7</sup> Чувашский край в период Русско-японской войны 1904 — 1905 гг. Д. 26.

<sup>8</sup> ГИА ЧР. Ф. 44. Оп. 1. Д. 822. Л. 2.

<sup>9</sup> Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. I. Ед. хр. 204. Л. 217.

<sup>10</sup> Чувашский край в период Русско-японской войны 1904 — 1905 гг. Д. 8.

<sup>11</sup> Там же. Д. 26.

<sup>12</sup> НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 204. Л. 217; Местный отдел // Казанские губернские ведомости. 1904. № 39. 15 апреля. С. 3.

<sup>13</sup> Беседы о войне // Симбирские губернские ведомости. 1904. № 12. 14 февраля. С. 4.

формации из прессы духовенством. Священнослужители не только передавали прихожанам содержание публикаций, разъясняли их смысл, но и подчеркивали важность материальной и моральной поддержки воинов. Например, в с. Тойси Буинского уезда священник выписывал газеты «Дружеские речи», «Русское чтение» и журнал «Кормчий». Крестьяне собирались у кого-нибудь дома для ознакомления с содержанием этих изданий, обсуждая важные новости и события<sup>14</sup>.

Особое значение для чувашей имели издания Православного миссионерского общества на чувашском языке: «Православный воин Божий», «Георгий Победоносец» и др. [5, с. 355]. Эти материалы были особенно важны для тех, кто не владел русским языком, поскольку они позволяли получать информацию и духовную поддержку на родном языке. Благодаря этим изданиям чувашки лучше могли понять смысл происходящих событий, укрепиться в патриотических чувствах.

В результате на начальных этапах войны у многих представителей чувашского народа наблюдались искренний патриотизм и готовность защищать свое Отечество. По мнению Н. В. Никольского, благодаря регулярному участию в вооруженных конфликтах и периодическим военным столкновениям у чувашей сложилась традиция религиозно-патриотического отношения к военной службе, которое основывалось на глубокой вере в Бога, чувстве долга и преданности своему народу. Исследователь приводит цитату из письма чуваша из Козьмодемьянского уезда от 23 октября 1904 г.: «Я нынче присва (на призыве) был, “Господа Бога доброго здоровья” (Благодаря Господу Богу нахожусь в добром здоровье). “Слава Богу, солдат” (в солдаты) “приняли”». Другой чуваш из д. Юрмекейкино Ядринского уезда переживал о том, что не успеет вылечить болящую ногу до призыва и говорил: «Хоть бы до солдатства зажила, а то какой я воин!». В д. Руковкино Ядринского уезда в одной чувашской семье заболел сын, и мать молилась за него такими словами: «Господи, Господи, не остави, помилуй. Да будет он (болящий) годным (для службы) царю» [5, с. 356]. Таким образом, в начальный период вооруженного конфликта чувашки восприняли его с воодушевлением и искренне верили в скорую победу над врагом.

Воспоминания участников войны дают яркое представление о внутренней динамике ее восприятия: молодые люди романтизировали военную службу как приключение или возможность проявить мужество, увидеть мир. Например, в воспоминаниях уроженца с. Тенеево Ядринского уезда, участвовавшего в обороне Порт-Артура, Сергея Григорьева мы читаем, как он втайне молился о том, чтобы его призвали в армию. Он практически не думал о возможных опасностях и рисках<sup>15</sup>. Обращает на себя внимание тот факт, что Сергей в Шихранах впервые в жизни увидел поезд и железный мост. Безусловно, учитывая крайне невысокий кругозор молодого человека и большинства его сверстников, о каком-либо сознательном отношении к войне говорить не приходилось. Почти все они имели весьма отдаленные представления о государстве Япония, а многие и не знали о его существовании. Также важно отметить, что Сергей Григорьев в то время даже не владел русским языком<sup>16</sup>.

В отличие от молодежи некоторые представители старшего поколения испытывали страх перед военной службой и даже в мирное время не желали отпускать

<sup>14</sup> Чувашский край в период Русско-японской войны 1904 — 1905 гг. Д. 8.

<sup>15</sup> Там же.

<sup>16</sup> НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 240. Л. 76.

детей в армию, считая, что «солдатская жизнь трудная, не зря солдаты плачут, говорят, что они немало хлебнули горя»<sup>17</sup>. Об этом свидетельствует трагичное восприятие ими известия о начале Русско-японской войны. Привыкшие к сельскому труду находившиеся в запасе чуваши сильно переживали: многие из них стали употреблять алкоголь, плакать и петь грустные песни, чтобы заглушить страх и отчаяние. По данным Н. В. Никольского, они утешали себя и других односельчан такими словами: «Страшно за себя, но защищать Отечество нужно. Царь знает, что делает. Повелел воевать с японцем, стало быть, так нужно». «Если погибнет солдат, стало быть, так определил Бог и Пюлих (вестник Бога); останется жив, стало быть, не пришел его час» [5, с. 363].

Более четкое формирование образа врага происходило благодаря непосредственному контакту с ним во время боевых действий. Так, основной мотивацией для вышеупомянутого Сергея Григорьева, как и для его сослуживцев, оказавшихся на войне, стало, прежде всего, желание выжить. Японцы воспринимались чувашскими солдатами как бездушная сила, стремящаяся их погубить. Описывая один из боев, Сергей пренебрежительно называл японцев «косоглазыми», что выражало его резко негативное отношение<sup>18</sup>. Такое восприятие японцев усиливалось тяжелыми условиями боя и ощущением опасности, а также служило средством оправдания жестокости и суровости военных действий. Кроме того, оно способствовало повышению боевого настроя и стремления защищать Родину.

Попав в плен, солдат-чуваш описывает ненависть к «русским» не только со стороны японских солдат, но и со стороны мирного населения, которое бросало в них камни и даже бомбы. Такие проявления враждебности свидетельствовали о глубоком недоверии и неприязни к военнопленным, что усугублялось тяжелыми условиями содержания и психологическим давлением. Впоследствии, когда жизнь пленных улучшилась, тон повествования изменился. Сергей Григорьев отмечает, что жить в Японии «очень хорошо», рассказывает о климате («хорошем воздухе»), занятиях японцев, их культуре и традициях. Он упоминает о низких ценах в магазинах<sup>19</sup>. Эти перемены в восприятии отражали изменение настроения и отношение к жизни за границей, а также свидетельствовали о том, что некоторые пленные находили в японском обществе свои плюсы и возможности для адаптации.

Со временем патриотизм, который преобладал в начале войны, уступил место унынию и разочарованию. Особенно остро это ощущалось после крупных поражений русской армии, когда люди начали осознавать реальную ситуацию — война приносит не только славу, но и тяжелые потери (об этом свидетельствуют воспоминания современников, например, жителя одной из чувашских деревень Буинского уезда)<sup>20</sup>. Имели место чувство безнадежности, даже отчаяние, особенно при мысли о возможной потере близких — сына, брата, мужа. Это во многом подтверждает печальный характер проводов на войну. Во время прощаний часто пелись скорбные песни, а некоторые призывники выражали нежелание идти воевать, так как им приходилось расставаться со своими родными, а будущее казалось неопределенным и тревожным. Кроме того, длительное отсутствие кор-

<sup>17</sup> НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 240. Л. 73.

<sup>18</sup> Аналогичное слово «squinteyes» (досл.: косоглазые) использовали и американские солдаты, воюя с японцами во время Второй мировой войны.

<sup>19</sup> НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 240. Л. 93.

<sup>20</sup> Там же. Ед. хр. 157. Л. 57 — 58.

мильцев отрицательно сказывалось на благосостоянии семей. Разумеется, все это не могло радовать и вселять оптимизм. Такие настроения нашли отражение и в чувашских рекрутских песнях того периода, в которых пелось о том, как «тяжела солдатская служба» [5, с. 355]. Конечно, речь не шла о реальной ненависти или даже антипатии к японцам. В данном случае образ врага служил своего рода громоотводом для негативных эмоций и внутреннего напряжения<sup>21</sup>.

Не добавляли оптимизма и многочисленные людские потери на войне, появление калек, рассказы вернувшихся солдат, а также антивоенная и революционная агитация. Все это способствовало осознанию истинных причин и сути вооруженного конфликта, который велся где-то «за тридевять земель», что также привело к изменению настроений среди чувашей. Чувашские крестьяне стали собираться группами для чтения антиправительственных листовок и антивоенных бесед, обсуждения насущных вопросов и политических свобод. Об этом свидетельствуют, например, данные, записанные в церковной летописи с. Байгулово Чебоксарского уезда: «Народ открыто стал восставать против существующих порядков в государстве. Появились и газетные статьи, в которых выражалась необходимость преобразования государственного строя, свободы печати... Простолудины вместе с интеллигентными лицами собирались на улицах и производили разные беспорядки... читали разные прокламации и пели революционные песни...»<sup>22</sup>. Некоторые молодые люди дезертировали из армии или избегали призыва, о таких случаях публиковались заметки в губернской прессе<sup>23</sup>. В то же время в средствах массовой информации наблюдалось снижение количества сообщений о пожертвованиях на военные нужды. В основном они носили частный характер и предназначались для лечения больных и раненых воинов. Сочувствие жертвам войны стало преобладать над ранее доминировавшим желанием скорой победы над врагом. Кроме того, стало меньше публиковаться статей патриотического характера.

Отношение чувашей к Русско-японской войне также нашло отражение в литературе начала XX в. В этот период она превращалась в важную площадку для выражения народного недовольства, надежд и стремлений. Образы войны часто служили средством обличения социальной несправедливости и политики власти. Писатели и поэты в своих произведениях подчеркивали ущерб, который вооруженный конфликт причинял крестьянам, оторванным от земли и семьи, а также горе, приходившее в каждый дом. Они осуждали царское окружение и богатые слои населения за наживу на страданиях простых людей. Антивоенная тема прослеживается, например, в брошюрах Н. М. Кедрова и в поэме Т. К. Кириллова «Пуләшәр» («Помогите») [4, с. 27 — 28].

### **Заключение**

Таким образом, Русско-японская война оказала влияние на внутреннее состояние чувашей. В начале конфликта наблюдался высокий уровень патриотизма, во многом сформированный священнослужителями, средствами массовой информации и пропагандистскими материалами, создававшими положительный образ войны и оправдывавшими участие России в боевых действиях. Однако со временем отношение к войне изменилось под воздействием поражений русских войск,

<sup>21</sup> НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 240. Л. 73.

<sup>22</sup> История Чувашской АССР. Т. 1. С. 184; История Чувашской АССР. Вып. II. С. 136.

<sup>23</sup> Розыск // Симбирские губернские ведомости. 1905. № 2. 8 января. С. 2.

тяжелых потерь и ухудшения условий жизни населения. Люди становились более критичными к власти и политике, их вера в победу ослабевала, преобладали разочарование и недоверие. Образ врага также трансформировался от первоначально нейтрального отношения до объекта ненависти и страха. Эти изменения отражали глубокий внутренний кризис, вызванный не только военными неудачами, но и ростом осознания социальных проблем, несправедливости и необходимости перемен. В итоге Русско-японская война послужила катализатором формирования новых взглядов на власть и общество, способствовала развитию революционных настроений и подготовила почву для революции 1905 — 1907 гг. Внутренние противоречия, вызванные этим вооруженным конфликтом, усилили недовольство существующим порядком и способствовали активизации общественного движения за реформы и изменения в политической системе страны.

#### СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гладкая Е. А. Русско-японская война в сознании широких слоев населения России в начале XX в. // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки: научно-образовательный и прикладной журнал. 2008. № 3. С. 68 — 73.
2. История Чувашской АССР. Т. 1: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1966. 259 с.
3. История Чувашской АССР. Т. 1. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1983. 285 с.
4. История чувашской литературы XX века. Ч. 1 (1900 — 1955 годы): коллективная монография. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. 432 с.
5. Никольский Н. В. Взгляд чуваш на воинскую повинность // Никольский Н. В. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. Труды по этнографии и фольклору чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. С. 355 — 367.
6. Сениявская Е. С. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. Москва: РОССПЭН, 2006. 288 с.
7. Холодов В. А. Русско-японская война в восприятии населения Орловской губернии (по данным Орловской прессы) // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 4. С. 111 — 123.
8. Шмакова Н. Н., Гришакова Л. В. Восприятие Русско-японской войны 1904 — 1905 гг. Оренбургским провинциальным обществом // Оренбургский край как историко-культурный феномен. Десятые Большаковские чтения: сборник статей Международной научно-практической конференции: в 2 т. Т. 1. Оренбург: Оренбург. гос. пед. ун-т, 2020. С. 211 — 216.

#### REFERENCES

1. Gladkaya E. A. The Russo-Japanese war in the minds of the broad strata of the Russian population in the early twentieth century. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. The North Caucasus region. Social Sciences: scientific, educational and applied journal.* 2008;3:68 — 73. (In Russ.)
2. History of the Chuvash ASSR. Vol. 1: From ancient times to the Great October Socialist Revolution. Cheboksary;1966:259. (In Russ.)
3. History of the Chuvash ASSR. Vol. 1. Cheboksary;1983:285. (In Russ.)
4. The history of Chuvash literature of the twentieth century. Part 1 (1900 — 1955): collective monograph. Cheboksary;2015:432. (In Russ.)
5. Nikolsky N. V. The Chuvash view of military service // Nikolsky N. V. Collected works. In 4 volumes, vol. 1. Works on ethnography and folklore of the Chuvash people. Cheboksary;2004:355 — 367. (In Russ.)
6. Senyavskaya E. S. Russia's opponents in the wars of the twentieth century: the evolution of the "enemy image" in the minds of the army and society. Moscow;2006:288. (In Russ.)
7. Kholodov V. A. The Russian-Japanese war in the perception of the population of the Orel province (according to the Orel press) // Scientific Notes of the Orel State University. The series "Humanities and Social Sciences". 2011;4:111 — 123. (In Russ.)
8. Shmakova N. N., Grishakova L. V. Perception of the Russian-Japanese war of 1904 — 1905. Orenburg Provincial Society // Orenburg region as a historical and cultural phenomenon. The tenth Bolshakov readings: collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. In 2 volumes, vol. 1. Orenburg;2020:211 — 216. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 29.12.2025;  
одобрена после рецензирования 09.02.2026; принята к публикации 09.03.2026

*Информация об авторе:*

**Смирнова Наталья Борисовна**, научный сотрудник  
Чувашского государственного института гуманитарных наук  
(428015, Россия, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1),  
кандидат исторических наук,  
ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-5483-3840>, [da777L@yandex.ru](mailto:da777L@yandex.ru)  
*Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.*  
*Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.*

The article was received by the editors on 29.12.2025;  
approved after reviewing 09.02.2026; accepted for publication 09.03.2026

*Information about the author:*

**Natalia B. Smirnova**, researcher at the Chuvash State  
Institute of Humanities (29/1, Moskovsky Ave., Cheboksary, 428015, Russia),  
Candidate of Historical Sciences,  
ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-5483-3840>, [da777L@yandex.ru](mailto:da777L@yandex.ru)  
*Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.*  
*The author has read and approved the final version of the manuscript.*

Статья редакции 29.12.2025 җитнӗ;  
рецензиленӗ хыҫҫӑн 09.02.2026 ырланӑ; 09.03.2026 пичете йышӑннӑ

*Автор җинчен:*

**Смирнова Наталья Борисовна**, Чӑваш патшалӑх  
гуманитари ӑслӑлӑхӗсен институчӗн сотрудникӗ  
(428015, Раҫҫей, Шупашкар хули, Мускав пр., 29, 1 корп.)  
истори ӑслӑлӑхӗсен кандидачӗ,  
ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-5483-3840>, [da777L@yandex.ru](mailto:da777L@yandex.ru)  
*Пайталӑх конфликчӗ: автор пайталӑх конфликчӗ ҫуккине пӗлтерет.*  
*Автор ал ҫырӑвӑн юлашки вариантне вуласа тухнӑ, ырланӑ.*